

О равновесии

Он говорит с телевизором.
Она говорит с животными.
Их дети — с несуществующими
Людьми и порой — с тараканами.
Тараканы болтают с пылинками.
Пылинки вызывают к солнцу.
Солнце светит в квартиру.
Одно мгновение кажется:
Они навечно застыли
В этой янтарной взвеси
Со всеми своими животными,
Пылью, детьми, тараканами
И сериальными драмами.
Впрочем, для равновесия
В отдельно взятой квартире,
Как считают психологи,
Главное — разговаривать.

Рынок. Уличная палатка.
На полках — головы в шапках.
Продавец перехватывает взгляд.
«Шапки — от холода, да и ветра им вредят.
У нас — самые лучшие головы,
Производитель — Парагвай и Ирак.
Смотрите, можно примерить.
Зеркало. Надевайте вот так.
Те, что справа — покруче и подороже,
Можно закачать до двухсот гигов.
Вот на мне, например, тоже.
Сам я не выучу столько русских слов».
Смотрю: да, руки гораздо темней лица.

«Вообще я — урожденный вьетнамец,
А с такой головой похож на местного продавца.
А вот здесь у нас гламур и глянец.
Губы — имитация силикона,
Глаза — с накладными ресницами.
Здесь — полка мужественных и суровых,
Здесь — сплошь одухотворенные лица.
А вот эти — рекомендую особо —
Можно не только надевать и носить,
Если вечером пусто и одиноко —
Будет с кем поболтать и что обсудить.
Знаете, сколько у нас одиноких?
Вот многие стесняются, отводят взгляд,
Потом покупают и, честное слово,
Возвращаются и долго благодарят».

Луковица

— Тук-тук-тук-тук.
— Кто там?
— Человек-лук!
— Постойте, но вы же
совсем обычный!
— Просто мы незнакомы лично.
Да, у меня внешне все, как у вас:
Руки, ноги, спина,
уши и пара глаз.
А нутро — не нутро, а какое-то зверство:
У меня луковица вместо сердца.
Кто сердца коснется — страдает и плачет,
а мне — хоть бы хны.
Вот что это значит?
Самые храбрые
разворачивают
кольцо за кольцом,
Рвутся увидеть
мое истинное лицо.
Корчатся,
мучаются,
боятся,
стремятся до центра
доковыряться.
А внутри, как ни странно,
все тот же лук!
И к чему столько слез,
к чему столько мук?
Я и сам бы им рассказал
вот все то же, что только что — вам,
да только они не верят,
говорят, что сами проверят.

- Ух ты, как интересно!
- Да, прям удавиться.
- Слушайте, может быть, мне в вас сейчас влюбиться?

Цирк

Не проходите мимо, заворачивайте без сомнения
На наше потрясающее представление!
Для ваших детей — настоящий живой оркестр,
Иван Клопов — дирижер скандально известный!
Гончики на мопедах, силачи, лилипуты,
Жонглеры и акробаты, афроамериканцы и алеуты.
После антракта вас ожидает смертельный номер!
Не пугайтесь, мадам, у нас ни разу никто не помер!
Дрессировщик котиков дрессирует их в клетке со львами,
Дрессировщик львов наблюдает за ними, играя словами.
Кто-то из зала впервые сделает заднее сальто —
Акробат научит его в онлайн-режиме по скайпу.
Финальный номер у нас не для слабонервных дам:
Фокусник Клюев распилит свою жену пополам!
Не пугайтесь, он делает это быстро и ловко.
У него есть специальная сверхскоростная ножовка.
Он громко поет шансон, как только входит в раж.
Им не впервой, у них большой супружеский стаж.
Так что улыбка не сходит с ее лица
До распоследнего что ни на есть конца.

День рождения

Она достает из пакета печенье,
Раскладывает на столе:
«Это для мамы, это для папы,
Это — дяде Илье,
Это для Зойки, это для Лешки,
Это соседу, соседовой кошке,
Это для Пети, это для Жени,
Это для тетеньки в положенье,
Это — собачке с белыми пятнами,
Это — дяде с глазами приятными».
Печеньки почти закончились,
В пакете остались две.
Самые сладкие, самые вкусные —
Эти оставит себе.
Ей сегодня семьдесят пять,
Все ей разрешено.
Она, улыбаясь, ложится в кровать
И долго глядит в окно.

С собакою
порой ночной
сходи, повой.

Там только
мерзлая земля,
свет фонаря.

Но тем прекрасней,
чем темней.
Дыши ровней.

И, не заметный
никому,
гляди во тьму.

Терпентин

Все вот так и случается в жизни:
Ботинок тридцать пятого размера
Находится в точности тогда,
Когда нога дорастает до тридцать шестого;
Вторая туфля —
когда уже куплена
новая пара;
Осенняя шапка обнаруживается
прямоком к лету,
а копия документа —
когда,
матерясь и все проклиная, —
сходил и сделал новую.
Формочки для печенья
в виде снежинок
извлекаются из угла шкафчика
в понедельник, первого марта.
А человек —
тот самый, подходящий —
находится
именно тогда,
когда решаешь,
что тебе, в сущности,
никто и не нужен.

Проклятие

Они вызывают скуку.
Толпой выходят из дома.
Падают ниц в квартирах,
В машинах, торговых центрах,
Кофейнях и продуктовых.

В мольбе воздевают руки.
Взывают из сил последних.
Тихо скулят и стонут,
Покачиваясь чуть заметно.
А лоб прижимают к полу.

И скука всплывает в окна.
Сочится с дневного неба.
Она расцепляет пальцы,
Разглаживает морщины,
Всех мигом преображает.

Одни застревают взглядом
В планшетах и телефонах.
Другие спешат за пультом —
Лежать и смотреть ситкомы.
Иные — идут на кухню.

Я тоже взываю к скуке.
Я делаю все, как нужно.
Рыдаю и умоляю
С глазами, полными влаги
И той же слепой надежды.

Мой друг говорит: «Наверно,
Ты что-нибудь пропустила.
Смотри». — Повторяет жесты
И тут же спешит к Фейсбуку
И информативным сайтам.

Я вызываю скуку.
Я вызываю скуку.
Я вызываю скуку.
Но она не приходит.
Проклятье! На мне — проклятье.

Я, впрочем, уже привыкла.
Вздыхаю и отправляюсь
Ходить босиком по лужам,
Писать дурацкие вещи
И делать странные штуки.

И мне ничто не поможет.

Бессмыслица, написанная для проницательных участников группы ВКонтакте

Я, незаконнорожденный ребенок гориллы и выдры,
Чьи золотые деньки коротались у вод Брахмапутры,
Чей темный омут хорош для любых приключений,
Коиx вообразить вы способны на долю секунды,
Коей достаточно, чтобы копьем укокошить псоглавца,
Коего средневековый монах изобразил на бумаге,
Что, несомненно, стерпела еще и не то бы,
Это вам не интернет двадцать первого века,
Где на просторах резвятся прекрасные люди,
Чей проницательный ум просто так не запудришь,
Коиx лукавством своим не собьешь с панталыку,
Чья эрудиция явно возобладает
Над проходимцем случайным, писакой без толку и смысла.

Мысли. Люди. Вещи

Некоторые уплывают вдаль,
словно клочок бумаги
в вечеряющий океан.
Мгновение глядишь на бумажку,
а потом —
упускаешь ее из вида
и уже просто смотришь
в сумеречные волны
и сумеречное небо,
и весь наливаешься
этими сумерками,
и дышишь ветром.
А другие —
они всегда с тобой,
даже если ты
сидишь на берегу
и думаешь
только о волнах.

